

Андрей Анпилов

Терпение и радость

Приступая к своему обычному предисловию, вдруг подумал: а когда же и при каких обстоятельствах я разглядел и полюбил этого тихого и мудрого поэта? Что было первым импульсом к тому, чтобы узнать наперёд: вот — родной *по душе* человек и литератор, к тому же тонкий художник, сердцем преданный тому самому «великому русскому слову», не приедающемуся волшебству нашего общего с ним языка?..

И — вспомнил. Это было, как ни странно, — детское.

...Начиналась публичная часть литературного фестиваля имени Корнея Чуковского, живое исполнение стихов и песен. Всё снималось на камеру, у каждого участника было по пять минут. Что-то вроде «живой книги».

Андрей Дмитриевич мирно ждал своей очереди, выделяясь присевшей к нему на колено гитарой, пушистой бородой и задумчивым, но не отстранённым взглядом.

Он был похож не то на уютного лесовика, не то на учителя-гуманитария пополам с деревенским дьяконом. Наконец очередь запел песню под названием «Догадался». Её маленький герой смешно терзает себя и слушателей вопросами о том, кто из предков ему наиболее близок, кто его, так сказать, родил.

...Всё смелее он двигается к озарившей его догадке и, наконец, выдаёт заветное: «Ежу ведь понятно — / Быть милым как мама / Мне б было приятно... / Но хватит обмана! / Гляжу исподлобья... / Хожу косолапо... / Ну что, догадались? / Родил меня — папа!»

Помню, все радостно засмеялись, а у меня почему-то случилось сердце.

...На второй странице обложки каждого номера «Фомы» всегда помещается то или иное стихотворение. Стихи Анпилова оказывались там не единожды: прозрачные, обманчиво простые, примиряющие с самим собою, подспудно *детские*. В самом высшем смысле. То есть — чистые, не замутнённые пресловутой суетой и соблазнами «мира сего».

Я всегда чувствовал и чувствую в них то, что кто-то назвал «дыханием Бога». Складывая подборку из его новых сочинений, я вспоминал именно эти слова. **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Марии Заикиной

***

Святая душа изумлённо тиха,
Глядит на других и не видит греха,
Ох, чудо какое, ведь до одного
Спасутся все, кроме меня одного.

Все души святые и боги почти,
И всем поклонись до земли и почти,
А что до спасательной шлюпки какой,
То всем места хватит, он машет рукой.

И с толком всю ночь на борту мельтешит,
Всех в лодку подсадит, кто выжить спешит,
Детишек, собачек, мамаш и отцов,
Оркестр, капитана в конце уж концов.

Куда мне, смеётся, всем ангела в путь,
Мы так уж, потом, после всех как-нибудь,
Каюты проверит, не жив ли кто где,
Вздохнёт и за лодкой пойдёт по воде.

***

Д. Шеварову

Целомудрие и правда,
Правда, только и всего,
Вам одним так сердце радо,
Радо, только и всего.

Потому что дети сами
Не расскажут о себе
Голубыми небесами
И следами на воде.

И в беде какой, и в счастье
Есть прохладный ветерок,
Он не скажет: вот я, здрасте,
А шагнёт через порог.

И лучом скупого света,
Оттого, что плоть груба,
Он сдувает незаметно
Чёлку мягкую со лба.

Одиночества морщины,
И улыбка про себя,
И когда в труде мужчины
Забывают про себя,

Тихий звук обычной фразы,
Песни есть, простые дни
И солдатские рассказы,
Где живут ещё они,

Чистота и воздух правды,
Неба северный узор,
Словно ветер без ограды,
Во все стороны простор.

* * *

Когда, говоря, перед сном с ног валюсь,
Тогда, говоря, покороче молюсь,
Себя пожалею, попу говорю,
И правило, мол, Серафима творю.

Мне поп молодой, сорока с чем-то лет,
Нельзя, говорит, человеку жалет
Себе, югослав, суховатый на вид,
Нельзя нам себе пожалет, говорит.

Очки, бородища, внимательный взор,
Молитва что? с Богом вдвоём разговор,
Оглянешься, миг, и уже ничего,
Ништавило кругом, кругом ничего.

Горячий асфальт, мне братушка сказал —
Других пожалей — пересадка, вокзал,
Гроши не у каждого есть на билет,
Не надо себе человеку жалет.

* * *

Не оставь меня, сила терпения,
Полагаюсь на волю твою,
Дотерпеть наживное умение
До конца, на своём достою.

Если очередь, стало быть — в хвост иди,
Стой, терпи, ровный голос храня,
Ты за это терпение, Господи,
Столько лет в мире терпишь меня.

* * *

Почти опоздал на праздник, хоть плачь,
Служба короткая, в последний вагон успел,
Отпустили грехи на скорую, причастили вскачь,
Красный стоишь как пламя, белый как мел,
Стыд-то какой, Господи, словно чего украл,
Последнего часа работничек, двенадцатого без пяти,
Всю жизнь так, тихий обморок, вдруг караул, аврал,
Спасайся кто может, хоть совестно, а сердце радо, поди,
Радость на сердце, празднично, ангел, голубчик, ты
Спать не давал, подталкивал, крыльями тормозил,
Зябко в груди от холода тонкого и чистоты,
Стыдно до слёз, и радостно, хоть и не заслужил.

* * *

И снилось, душа — это маленький шар
И радости светлой крупца,
И дан был во сне понимания дар,
Во имя чего это снится.
Душа умалилась, она меньше всех,
Чтоб внутрь темнота не проникла и грех.

Затем, что крупца — иглы остриё
Для самой бесплотной работы,
Серебряный лучик мелькает её,
Сшивая секунды и годы,
Росинку к росинке, тумана клочки,
Скользя, как внимательный взгляд сквозь очки.

Ты неба и леса смыкаешь края
На нитку живую рассвета,
Я градина, бусина только Твоя,
И Ты рассказал мне про это,
Что радость — мгновенной иглы остриё,
И швейное дело нашлось для неё.

